

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФИИ И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В XXI в.

***Аннотация.** Статья посвящена двум темам: перспективам философии в 21 веке и культурологическому анализу феномена Власти в российской исторической традиции. Перспективы философии оцениваются в целом пессимистически. Упадок философии связывается с общим кризисом макрокультурной системы логоцентризма, утвердившейся в послеосевую эпоху. Философия оказывается в ряду других подсистем культуры, исчерпавших ресурс имманентного развития и вступающих в «оранжерейную» фазу своего существования. Во второй части статьи анализируются универсальные атрибуты российского образа власти: неморальность, надзаконность, иррациональность, надынституциональность и метафизичность. В этом ракурсе рассматривается дуализм Власти подвластного в российском культурном пространстве.*

***Abstract:** The article focuses on two issues: the prospects of philosophy in the 21st century and the cultural analysis of the phenomenon of power in the Russian historical tradition. The prospects of philosophy are regarded rather pessimistically. The decline of philosophy is linked with the general crisis of the macro-cultural system of logocentrism which has established itself after the axial age. Philosophy finds itself among other subsystems of culture which exhausted their resource of immanent development and are about to enter the greenhouse phase of their existence. In the second part the author analyses the universal attributes of the Russian image of power: it is beyond morality, over institutions and has a metaphysical nature. In this perspective the author speculates on the duality of the power of the subaltern in the Russian cultural space.*

***Ключевые слова:** метафизика, логоцентризм, философия, философствование, власть, сакральность, система.*

***Keywords:** metaphysics, logocentrism, philosophy, philosophizing, power, sacrality, system.*

Размышляя о перспективах философии в XXI в., я присоединяюсь к их пессимистической оценке или точнее говоря, к уже широко известному мнению, что в XXI в. философии, по крайней мере, в привычном нам виде не будет. Спорить с теми, кто убежден, что все, к чему они привыкли должно существовать вечно — дело столь же неблагодарное, как и приводить рациональные аргументы в ответ на откровенно иррациональные доводы типа «а вдруг появится гений». Проблема философии — не в самих философах, которые вдруг почему-то измельчали. Она коренится в общем контексте современной культуры, частью которой является также и философия. Философия культуры, между тем, продолжает делать вид, будто способна обозревать культуру как бы извне, с некой метафизической позиции всевидящего и все-

знающего ока Создателя. Правда, для этого приходится сильно сузить содержание представлений о культурном универсуме, но что-что, а подгонять картину мира под комфортность философского дискурса философы не разучились. Однако если не потрафлять их профессиональному самолюбию и исходить из очевидного факта, что сам этот философский дискурс задается ничем иным как культурой с ее когнитивными, мировоззренческими, языковыми и прочими особенностями, то становится очевидно, что кризис философии – один из аспектов общего кризиса макрокультурной системы, приходящей к своему историческому снятию.

В силу неумолимых законов культурной динамики, каждая из подсистем культурного целого, проходит в своем имманентном развитии несколько стадий. От синкретической слитности с общекультурным ядром, она шаг за шагом от него эмансипируется, вырабатывая свою специфическую знаковую систему, а главное, моделируя свое собственное самодостаточное целое. Так от мифоритуального синкретизиса отпочковались религии, разные виды искусств и словесности, включая литературу. По тем же законам выделилась в автономную подсистему культуры и философия, от которой впоследствии, в свою очередь, отпочковались предметные науки.

Логика развития, однако, такова, что путь автономизации подсистем рано или поздно приводит к их замыканию на себя и оукливанию. Становясь целым для себя, они инвертируют (меняют местами) свой изначальный субстрат, связывающий его с общекультурным целым и выработанный в ходе имманентного развития системы репрезентаций смыслов. В результате чего, форма смысловой репрезентации становится содержанием и наоборот. Так произошло, например, в последней четверти XIX в. с изобразительным искусством, когда отображаемый в образах мир стал лишь поводом к разворачиванию имманентного содержательного потенциала выразительных средств. С традиционными религиями такого рода инверсия произошла намного раньше, поскольку эмансипация религиозного сознания совершилась еще в зрелом Средневековье (см. прим. 1).

Нигилизм Ницше возвестил о том, что пришел и черед философии. Человеческое мышление инертно, и шлейф философии как горделивой царицы наук, ведающей метафизические истины о человеке и мироздании, тянулся, по современным меркам, довольно долго. Последние попытки философского системостроительства (Шелер, Плеснер) угасали на фоне развития теории относительности и первых волн «лингвистического переворота», а частные науки устроили философии нечто вроде бунта детей против отца по Фрейдю. Философию постепенно вытеснили из частных наук за ненужностью. Сначала естественные, а затем и гуманитарные науки в логике имманентного саморазвития, научились строить свою региональную методологию, обходясь без философских абстракций все менее поспевающих за научными открытиями. В этом нет вины философов: как известно, нельзя объять необъятное.

Во времена Аристотеля гениальный мозг философа еще мог объять всю систему современных ему знаний. До некоторой степени, это еще было возможно во времена Гегеля, когда философская методология могла если не охватить весь универсум знания, то хотя бы, осуществить его понятийный синтез. Но релятивизация методологии в 20 в. лишила философию и этой возможности. Осталось гордо и обиженно махнуть рукой на неподатливый и не желающий укладываться в красивые и «правильные» философские схемы научный материал и заняться наведением порядка у себя дома. Западная философия пришла к такой позиции вскоре после Второй Ми-

ровой войны, став солидной и сервильной университетской дисциплиной. Да, были титанические попытки Гуссерля и Хайдеггера спасти философию от окончательного окукливания. Да, были успехи неокантианцев в разработке методологии частных наук, была герменевтика Гадамера и другие достижения. Но чем полезнее для общенаучного знания становились результаты философских изысканий, тем менее значимой становилась в них собственно философская основа. К примеру, вклад Кассирера в разработку теории мифа и мифологического мышления может вполне оцениваться вне связи с неокантианской традицией. В конце концов, родился иронический парафраз знаменитого Марксова тезиса о Фейербахе: «если раньше философы только познавали мир, то теперь они и этого не делают». Так философия превратилась в свою собственную историю.

У нас, в силу известных причин, сакраментальное отношение к философии задержалось несколько дольше. Но, в конечном счете, инверсия произошла и здесь. В этом отношении примечательна позиция М.К. Мамардашвили, который на позднесоветском безрыбье стал чуть ли не культовой фигурой. Несколько огрубляя можно сказать, что обратившись к квантовой механике и ничего в ней не поняв, он пришел к заключению, что мир неисправимо иррационален, постигать его бесполезно и лучше заняться сферой, где можно-таки найти рациональность, логику и порядок, т.е. самой философией. В самом деле, сколько можно тратить силы на строительство метафизических систем, рассыпающихся даже от легкого столкновения с фактами?

Главное, чего не смогла пережить философия в конце XX в. — это именно смерть метафизики. Без метафизической перспективы нет философии. А после веселой постмодернистской чечетки на гробах столпов философской метафизики, почва окончательно ушла из под ног, и сама реальность предстала зыбкой, ненадежной, эфемерной. Любого рода абстрактные спекуляции резко упали в цене, уступив место «региональным онтологиям». Философия приспособилась и к этому, но свой королевский статус при этом все же потеряла безвозвратно.

Вообще, существует безошибочный критерий, позволяющий преодолеть узко цеховые aberrации и определить, насколько велико значение той или иной подсистемы культуры. Достаточно непредвзято посмотреть на силу резонанса, который она создает в общекультурном контексте. Так, веке в XII ни один существенный жизненный вопрос не мог решаться вне богословского рассуждения, что указывало на тотальность власти дискурса догматического богословия. Еще лет сто назад художественные выставки в европейских столицах были общекультурным событием: тогда культуре еще было что сказать языком живописи. Во времена Шеллинга и Гегеля философский бум доходил до того, что даже способ стрижки овец называли философическим. А что сейчас?

Впрочем, говоря о смерти философии, я вовсе не имею в виду ее исчезновение. В культуре редко что исчезает насовсем. Формы, отпавшие от фронта культурной эволюции, просто отодвигаются на периферию, где консервируясь в полулатентном существовании, пополняют необходимый для дальнейшего развития арсенал избыточного разнообразия. На таком «оранжерейном» положении сейчас оказываются традиционные формы и виды искусств. Философия и отчасти литература, будучи самым прямым воплощением макрокультурной системы логоцентризма, уходят последними, но все же уходят. Уходит и личность новоевропейского типа — человеческий тип, ориентированный на сочетание идей самореализации и служения. Тип,

который только и мог создавать шедевры искусства или философской мысли – продукты общекультурной значимости, облаченные в уникальную личностную форму.

Чтобы быть настоящим философом (как, впрочем, и художником или литератором), надо быть в своей сущности человеком хотя бы XIX в. Но даже и после окончания эпохи шедевров, философия и в полулатентном существовании остается очень полезной. Опыт профессионального философствования незаменим для воспитания дисциплины ума, преодоления сумбура и хаоса в суждениях: устаревшая модель ментального порядка все же значительно лучше отсутствия всякого порядка вообще. К тому же, воспоминания о развенчанной метафизике худо-бедно не позволяют совсем скатиться в плоскую, бескрылую идеографию, которой столь уныло грешит современное исследовательское сознание.

Еще следует разделять философию и философствование. Разница здесь примерно как между философом-дворником и дворником-философом. Задаваться фундаментальными философскими вопросами может любой тип сознания: от научного и религиозного до фольклорного и обыденного. Но это не философия, это философствование. Чем больше окукливается и замыкается на себя профессиональная философия, тем важнее становятся для культуры различия в способах философствования за ее институциональными пределами. Это, впрочем, следует обсуждать особо.

Но есть еще один специфически российский критерий, показывающий общественное значение тех или иных культурных сфер. Это – степень внимания к ним со стороны власти. В золотой век литературоцентризма, который в нашем отечестве длился на удивление долго, власть неистово цензурировала всю печатную продукцию и, прежде всего, разумеется, литературу, ибо последняя стояла в авангарде воздействия на умы, и в ней власть видела как главное орудие господства над душами подданных, так и главную для себя угрозу. Почти столь же неистово цензурировалась живопись, музыка и прочие искусства по ранжиру. Надо ли в этой связи, напоминать, как относилась советская власть к философии, которая, опять же в силу хорошо известных обстоятельств была чем-то неизмеримо большим, чем философия? Но теперь, на развалинах логоцентрических дискурсов власть не видит опасности ни в «неправильной» литературе, ни в еретическом философствовании. Их влияние на общественное сознание минимально и возрастать не обещает. Иное дело ТВ и интернет! Вот где рождается неомифологическое сознание в условиях, когда упал статус не только истины, но даже и простого факта. А философия...пусть философствуют!

Здесь мы подходим ко второй теме, затронутой в сегодняшней дискуссии – осмыслению феномена власти и в частности, власти российской.

Вообще, власть в отечественной исторической традиции – это не характеристика политического субъекта и не обозначение соответствующего типа социальных отношений. И даже не сумма первого и второго. Это категория мистико-космологическая, глубоко сакральная, поскольку, по сути своей есть самодовлеющая первопричина всякой культурной упорядоченности. Характерно, что отдельный индивидуум с его субъективной волей, во всех контекстах, где речь не идет о *служении*, понимается исключительно как *источник беспорядка*. Даже гений может оцениваться позитивно лишь тогда, когда его субъективность каким-то внешним, формальным и принудительным образом «упакована» в оболочку служения, или задним числом осмыслена подобным образом. Выполняя генеральную функцию всеобщего источника внешнего порядка для подвластного.

Власть обладает набором устойчиво воспроизводящихся в истории свойств. Она **беспредпосылочна и метафизична**. Она творит самое себя, онтологически довлеет всему и представляет собой волящую себя волю. Подобно теологическому Абсолюту, она самопричинна и самодостаточна. Власть «истекает» в мир, по принципу эманации, уровни которой маркируются иерархическим статусом «государевых людей», парадоксальным образом сочетающих в себе земное, человеческое (подчас, даже слишком человеческое) начало с началом Властным, сакрально-метафизическим.

В предельно гротескном виде это качество проявилось в раннем и сталинском большевизме, когда одряхлевший мифотворческий потенциал православной монархии был «освежен» семантикой обожещаемых вождей, **обретается вне любых имманентных обществу институтов**, отношений и традиций. Потому, она пребывает *над законом*. Поскольку сам закон исходит «от власти», а не от общественного договора, то, разумеется, для самой власти закон не писан.

Законы Хаммурапи — не для самого Хаммурапи. Интересно, приходило ли кому-либо из современников, проверять на соответствие закону поступки тов. Сталина? Неподсудность Власти — в известном смысле ключевой момент ее сакрализации в обществе. С каким остервенением система отмазывает от наказания своих! Даже самых мелких начальников! За преступления против подвластного Власть не наказуема. (Иное дело — отношения внутри системы). Тут свои кодексы и табели о рангах. Но к общегражданскому закону это не имеет ни малейшего отношения. И дело здесь не в банальной клановой солидарности; в условиях общей эрозии морали — грош ей цена. Просто если создать прецедент ответственности Власти (почти неважно, какого уровня) перед законом — прощай сакральный статус. Со всеми отсюда вытекающими последствиями. Более того, именно через злодеяния Власть верифицирует свой сакральный космологический статус. Если Власть подчиняется земным законам, то это свидетельствует о том, что она слаба, ущербна и, в конечном счете, неподлинна. Злодеяние же, как форма верификации сакрального статуса — отдельная многоаспектная тема.

Далее, власть **внеморальна**. Как и во всяком доосевом мифологическом комплексе, космологический аспект очевидным образом преобладает над этическим. Последний обнаруживает себя лишь ситуационно, тогда как космология абсолютна и метафизична. Христианство, как религия спасения, по природе своей, эту диспозицию переворачивает: источником порядка становится этическое начало. Однако в русском (и не только) православии мироупорядочивающая роль этического начала либо искажается, сводясь к проповеди смирения, аскетизма и самоуничтожения, либо вовсе отодвигается в сторону. В этом смысле морализаторство коммунистической квазирелигии превозносило те же добродетели, обесценивая остальные перед космизующим волюнтаризмом Власти. («Может ли наша власть обманывать американцев?») «Может, потому, что это *наша* Власть!») Воля сакральной инстанции выше относительных моральных критериев и им не подотчетна. Православие лишь нашло этой досовой ментальной установке оправдание в духе «византийской логики»: «Все, кроме нас — варвары. У варвара нет морали.

Стало быть, моральное поведение с варваром невозможно», поскольку его власть **иррациональна**. Когда мы с удивлением замечаем, как человек, назначенный начальником *мгновенно* теряет способность понимать элементарные вещи, то этот начальственный идиотизм, как правило, понимается в неких совершенно иных, нежели

обычная бытовая глупость, обертонах. В этом идиотизме культура акцентирует нечто родственное священному безумию, где за оболочкой невежества и самодурства скрывается таинственная и недоступная для простых смертных, мудрость. Непостижимость Власти, алогизм ее риторики и вообще любого рода высказываний и иррациональность поведения — ключевой код ее трансцендентности по отношению к имманентному и потому профанному бытовому и историческому опыту. Впрочем, в контексте сопричастности к Власти, и этот опыт в своем осознании приобретает иррациональные черты. Воля Власти, как античный фатум или воля христианского бога, непредсказуема и непостижима. Попытка ее постичь или рационалистически проанализировать — вызов системе.

Подавлять подобные вызовы система, впрочем, сейчас уже не в состоянии. Остается лишь высокомерно их игнорировать, поскольку власть *персонифицирована*. Помимо двух набивших оскомину общеизвестных русских вопросов, есть и третий — «кто?». «Кто будет?» И хоть кол на голове теши — не докажешь, что внутри системы, вопрос *кто* почти несущественен, ибо *личностей* в системе нет по определению, а вопрос *кто*, имеет значение лишь в масштабе сиюминутных конъюнктур властных отношений. Парадоксальным образом, Власть, будучи для монархического сознания универсально персонифицированной, неизменно отторгает личностное начало. Образ Власти предстает как *лицо (имярек) -служащее-Должному*. Сакрален не человек и не даже не трон, но человек-сидящий-на-троне. Стало быть, Власть — это не безличная совокупность властных отношений и даже не субъект власти как таковой. Это *субъект-осуществляющий-властные функции*. В извечно-наивном вопрошании «кто?» слышится мистическое ожидание чуда *преображения Власти*. Мифологической взгляд тщится углядеть в новой персоне *культурного героя-мессию*, спасающего погрязший во зле и беспорядке мир, который, разумеется, совпадает в своих границах с Россией; остальной мир неисправим вообще. И начинается новый цикл: светлые надежды — обожание (восторженное прославление) — слепое игнорирование несоответствий ожиданий и реальности — разочарование и недовольство — презрение и ненависть — инверсивное поношение.

Богатейшим иллюстративным материалом здесь могут послужить судьбы всех российских и советских властителей, так как власть *амбивалентна*. Исполняя по мере сил свою космологическую функцию, Власть, будучи абсолютно всемогущей и относительно вездесущей, являет себя подвластному в глубоко амбивалентном виде. Она — и податель благ, она и источник зла и насилия. И дело здесь куда глубже, чем ненадобность в государстве для локальных сельских миров. Амбивалентность сакральных космологических сил восходит к ранним неолитическим религиям. А глубинная семантика идеологических шаблонов типа «Родина-мать» или «Отец народа» отсылает еще к верхнему палеолиту, где началось разделение управляющих миром психических энергий на верхние (женские) и нижние (мужские).

В дальнейшем диспозиции неолитических религий претерпели многочисленные и многообразные трансформации, но коренной признак верховного неолитического божества (неважно мужского или женского): его способность непредсказуемым образом поворачиваться к подвластному человеку то светлой, то темной своей стороной прочно засела в глубоких слоях культурно-исторической памяти. Царь-злодей остается и «батюшкой» и заступником, и никакие его злодеяния не способны поколебать его статус «великого государя». Хрестоматийный пример — мифоло-

гизированный образ тов. Сталина, венчающий собой галерею сакрализированных тиранов российской истории.

Главная фобия для подвластного – ужас безвластия, ибо он и есть совершеннейшее воплощение древнего Хаоса. Потому Власть прощается все. Точнее любое осуждение ее злодейств психологически блокируется, а любое исходящее от нее насилие заранее оправдывается. Потому, в ситуации безвыходного конфликта с Властью (невозможность выполнить ее деспотические требования, неспособность в каких-то пунктах совместить сценарии служения с архаическими родовыми традициями и прочие ситуации, когда «дальше так жить нельзя») подвластный человек предпочитает наложить руки на себя, но не восстать против властной воли. Поскольку поднять руку на Власть – дело почти невозможное, избалованная и донельзя развращенная скотской покорностью населения российская Власть, может позволить себе куда больше, чем ее инносистемные коллеги. Но именно в силу этого, она рано или поздно, окончательно теряет чувство реальности. А ведь именно оно-то и выступает единственным спасением, для Властного субъекта, который *в принципе* неспособен умерить свой напор на эту самую реальность: неостановимую внешнюю экспансию и бесконечное усиление прессинга на подвластное. Ахиллесова пята русской Власти – неумение останавливаться по-хорошему. При этом Власть в своей иррациональной самонадеянности не признает не только имманентных законов общества, но и законов природы.

В закатные эпохи, своеобразный мазохизм подвластного приобретает гротескные, трагикомические черты. При всей очевидности ответа на сакраментальный вопрос «кто виноват?», ответ этот в сознание не впускается. Конфигурация мифологического сознания «перехватывает» и перенаправляет его в «горизонтальную» плоскость. Все друг на друга шипят, все обозлены и недовольны, никто никому не верит и очевидный трюизм о том, что «надо менять систему», прекрасно уживается с уныло-депрессивным бредом: ««во всем виноваты враги». Единственная форма, в которой подвластный человек может выразить свой *индивидуальный* протест – это самопожертвование, которое означает полнейшую партиципацию к сакральной идее, при частном несогласии с ее ситуативно-конкретным воплощением в тех или иных поступках Власти. (Вспомним призывы разоружиться перед партией и здравицы тов. Сталину, несущиеся из расстрельных подвалов). Это мистическое жертвенное самоотречение – одна из сторон непостижимой извне «русской духовности» и пресловутой «загадочности русской души».

Примечание

1. О восточных культурах, где расслоение общекультурного синкрезиса тормозится, блокируется и вообще осуществляется в ином, нежели на Западе режиме, следует говорить отдельно. Но в любом случае, говорить о смерти философии на восточной почве не приходится, ибо то, что не родилось, умереть не может.